
ЗАБЛУДШИЕ ДУШИ ВСЕЛЕННОЙ
ТАТЬЯНА МИНЧЕНКО
18+

Татьяна Минченко

Заблудшие души вселенной

«Автор»
2026

Минченко Т.

Заблудшие души вселенной / Т. Минченко — «Автор», 2026

Первомайский субботник 1920-го года на Красной площади навсегда меняет жизнь пролетарского поэта Василия. Став свидетелем того, как сам Ильич тащит знаменитое дубовое бревно, поэт ловит яростный приход революционной музы и прямо на клочке газеты «Правда» выдает гениальные стихи. Но внезапный порыв ветра уносит драгоценный листок прямо в небо. Пытаясь поймать улетающую поэзию, Василий совершает шаг за грань привычной реальности — ведь обычный ветер не может светиться кумачовым пламенем, а застрявший в пространстве клочок бумаги запускает цепочку аномалий, грозящих переписать историю жизни пролетарского поэта.

© Минченко Т., 2026
© Автор, 2026

Татьяна Минченко
Заблудшие души вселенной

Глава 1

ГЛАВА 1

Первомайский субботник на Красной площади застал Василия Махни-Бороду на Красной площади, он стоял и с благоговейным трепетом смотрел, как товарищ Ленин несёт дубовое бревно, и такой энтузиазм пронял его до самых пролетарских костей, что Вася сразу схватился за перо. Пера, конечно, не было, зато в кармане старой кожанки нашёлся революционный красный карандашик и кусок "Правды". На полях этой газеты, присев поудобнее на корточки, он и начал своё творение. Стихи пошли как из пулемёта, только успевай записывать. Карандаш так и мелькал над бумагой, будто клюв голубя над крошками, что из кармана выпали.

-Это будет революционная бомба, - вскричал Вася, и тут внезапно ветер подхватил клочок его газетки понёс вдоль по улице, прилегавшей к площади. Листок поднимался всё выше и выше. Вася кинулся следом, но наткнулся на что-то твердое и гладкое, упал, его закрутило в какую-то воздушную воронку, вспыхнуло кумачовое пламя, к горлу подступила тошнота, и в этот момент Василий потерял сознание. Очнулся он быстро, потёр шишку на лбу, недоумённо озираясь. Над ним склонились какие-то люди в необычных одеждах, с узким разрезом глаз, и что-то защебетали на незнакомом языке.

- Товарищи, китайцы, - пролепетал Вася, вы не видели бумажку со стихами?

Китайцы переглянулись и рассмеялись.

- Монголы мы, – тебе, похоже, стоит меньше пить.

Вася огляделся и был поражен тем, насколько сильно изменилась Красная площадь. Это зрелище вызвало в нем сильное чувство пролетарской гордости. Он спросил: "А где товарищ Ленин?". Один из монголов, услышав это, усмехнулся и ответил: "А, вы коммунист? Он там, в мавзолее, не могут никак вынести". Вася встал с брусчатки и направился к мавзолею, но тут его взгляд упал на надпись: "ЛЕНИН".

-Не понимаю", - пробормотал Вася, качая головой. -Он что, умер?

Чтобы убедиться, парень опросил граждан праздно, без брёвен, прогуливающихся вокруг. Страшное предположение подтвердилось. К тому же Вася выяснил, что попал в далёкий 2015 год. Какой-то старик с красным бантом на груди и в кепке, до боли напоминавший вождя, прогуливался с товарищем с Кавказа. Вася интуитивно бросился к двойнику Ленина, тот посоветовал юноше обратиться за помощью к одно партийцам, и накарябал адрес. Смеркалось. До офиса коммунистической партии Вася добрёл к ночи, переночевал на скамейке и поутру заявился в приёмную. Его историю выслушали, позвонили куда следует, и вскоре Василий уже предстал перед очами тайного космического агента с позывным Бабатяня.

Бабатяня был по-отечески добр к заблудшей душе, долго расспрашивал про товарища Ленина и товарища Дзержинского, а потом устроил Васю на межгалактический корабль под названием Звезда, колесивший на краю галактики. Батяня огорошил Васю информацией о том, что мол русские коммунисты давно исколесили всю вселенную, и что ему, Васе, поручается наисложнейшее политическое дело, вести бортовой журнал и воспевать красоту галактики. О том, что граждане страны понятия не имеют ни о каких межзвёздных перелетах и ни о каком межзвёздном корабле, Батяня деликатно умолчал. Он пообещал, также, что здесь на Земле, Васины стихи будут еженедельно печатать в газете «Правда», поскольку космонавты здесь до сих пор в большом почёте.

Василий, будучи одновременно тронут и удивлен, с легкостью принял новую должность. Ему пришелся по душе и сам корабль. Его приняли радушно, вручили бортовой журнал и показали, что и как нужно записывать. Бывший писарь сошел на ближайшей станции, которая располагалась в кратере на обратной стороне Луны, он пошёл на повышение.

Когда Василий заполнил первую страницу бортового журнала, сразу же выявилась небольшая особенность его письма – использование устаревших букв, которые не сохранились до наших дней, но и этот нюанс не стал проблемой. Напротив, командир корабля, Александр Анатольевич Соколов, которого все звали просто Сан Толич, ценитель старины, находил это даже милым. К тому же, Василий оказался талантливым поэтом, особенно в написании поздравительных стихов. Благодаря этому, он быстро освоился на межгалактическом корабле и стал полноправным членом экипажа. Его музыкальные способности, которые на корабле щедро вознаграждались дополнительной порцией маринованных груздей, лишь укрепили его позиции.

Командор часто употреблял непонятные слова, но Василий был молод и восприимчив ко всему революционному, так, что, если его называли "хипстером", ничуть не удивлялся, а делал вид, будто совершенно понимает о чём идёт речь и учтиво кивал головой.

Василий Махни-Борода обжился на корабле, вот только он никак не мог привыкнуть к современным гелиевым ручкам, о компьютере же и вообще речи не шло, Василий боялся его так, словно оттуда мог выскочить водяной и схватить его за волосы, а то и вовсе утащить в страшное компьютерное болото. Вася грозил невидимому страшилищу пальцем, проходя мимо монитора, мол врёшь, бесовское отродье, не возьмёшь Васю Махни-Бороду - красного пролетария! Васе, похоже, досталась партия некачественных гелиевых ручек. То они отказывались выводить буквы, то, наоборот, щедро размазывали чернила, превращая текст в кляксы. В такие моменты Вася, кряхтя, прибегал к своему верному красному карандашу. Это стало причиной нешуточного переполоха, а затем и грандиозного скандала в главном штабе, ведь красным цветом полагалось отмечать лишь события крайней, исключительной важности, выходящие за рамки обыденного.

Василию поставили на вид и на месяц лишили маринованных груздей, несмотря на всю его страстную любовь к пению. Красный карандаш пришлось у него конфисковать и поместить в корабельный музей под стекло, как старинный артефакт революционной культуры начала прошлого столетия. Последнее, что успел записать пролетарский поэт любимым карандашиком прямо в судовом журнале, было четверостишие:

Я Ленина видел,
И он нёс бревно,
А хипстерам этим
Понять не дано!

К тому времени Вася понял, что слово «хипстер» скорее ругательное, а материться вслух он себе не позволял, зато на бумагу неприличные слова так и лились, словно соскучились, сидеть у него в голове.

Сердце Василия сжалось от тоски, когда его рабочий инструмент был конфискован. Вместе с красным карандашом, на остром кончике которого обитала его муза, ушло и вдохновение. Он с горечью царапал ненавистными гелиевыми ручками в судовом журнале скучные ежедневные отчеты, вздыхал и устремлял свой взгляд в бесконечную звёздную даль за иллюминатором.

-Ах, товарищ, Ленин! За это ли светлое будущее мы с тобой боролись? А ты ещё брёвна таскал, горемычный! - тяжелейший вздох огласил тесное помещение рубки. - Ну, ничего, мы ещё сделаем с тобой настоящую революцию! - И Вася погрозил кому-то невидимому кулаком.